

А. Н. САВЧЕНКО, Н. А. ПОТЕМКИН

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АККУЗАТИВА В ПРАИНДООЕВРОПЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I

Образование аккузатива было поворотным пунктом в переходе праиндоевропейского языка от активного строя к номинативному. А существование активного строя в праиндоевропейском языке на ранней стадии его развития не может подвергаться в настоящее время сомнению, потому что в свете типологических исследований Г. А. Климова отпали неясности и противоречия, возникавшие при предположении в этом языке эргативного строя, и грамматические особенности праиндоевропейского, не свойственные номинативному строю, оказались типичными для строя активного. Возникновение аккузатива, выражающего прямой объект действия, знаменовало собой переход языка от ориентации на выражение отношения активности — пассивности к ориентации на субъектно-объектные отношения.

Вопрос о первоначальной функции аккузатива осложняется тем, что наряду со значением прямого объекта он имеет в древних индоевропейских языках и иные значения. Это так наз. аккузатив цели, обозначающий предмет, к которому направлено движение, напр., скр. *gāvo yanti gopatim pṛchatānāḥ* „коровы идут к хозяину, прося“ (Ригведа, 9, 97, 34), греч. *καὶ μὲν κλέος οὐρανὸν ἔκει* „и моя слава до неба доходит“ (ι 20), хетт. *A-BU-IA-ma-kan aprez arha iyannes naskan* HUR. SAG *Iluriyan sara pait* „отец мой пришел оттуда и поднялся в горную страну Илурию“ (Деяния Супилулиума, фрагм. 34), лат. *Hannibal in hiberna Capuam concessit* „Ганнибал ушел на зимние квартиры в Капую“ (Ливий, 23, 18). Это также так наз. аккузатив времени, напр., скр. *sāvitrīyā glāyamānāyās tiṣṭhantas ca divāniṣam* „у Савитри изнуряющейся и стоящей день и ночь“ (Махабхар.), греч. *ἐνταῦθα Κύρος ἔμεινεν ἡμέρας ἑπτὰ* „там Кир пробыл семь дней“ (Ксеноф., Анаб., 1, 2, 6), лат. *cuius pater regnum in Sequanis multos annos obtinuerat* „отец которого у секванов много лет имел царскую власть“ (Цезарь, Комм., 1), лит. *dievo žodžio karščiai dieną ir naktį ieškokit* „божьего слова день и ночь горячо ищите“ (Мажвидас, 12), др.-рус. *бишася день, бишася други* (Слово о п. Иг.). Так наз. аккузатив содержания выражает отвлеченным именем то самое действие, которое

выражено глаголом: греч. *μεγάλην μάχην μάχεσθαι* „сражаться в большом сражении“, лат. *duram vitam vivebat* „жил тяжелую жизнь“, рус. *думу думает*.

Карл Гедике, исследователь значений аккузатива в ведийском санскрите, полагал, что между этими значениями нет связи¹, и с ним был согласен Б. Дельбрюк². Гедике пришел к выводу, что аккузатив не был падежом, а представлял собой самостоятельную форму имени, которая, будучи употреблена при глаголе, дополняла его значение в разных отношениях. В свете современных типологических данных оказывается, что Гедике не был далек от истины. А. В. Десницкая главное внимание обратила на греческий так наз. аккузатив отношения (напр., *γέγηθε δέ τε φρήνα ποιμήν* „возрадовался сердцем пастух“ Θ 559, *πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς* „быстрый ногами Ахиллес“), который действительно очень показателен и, по-видимому, архаичен, и пришла к выводу, что аккузатив имел первоначально очень широкое определительно-обстоятельственное значение, был тем падежом, который называют неопределенным³. Этот вывод соответствует фактам, какими в свое время располагала исследовательница, но в свете современных данных обнаруживается, что и генитив имел широкое определительно-обстоятельственное значение, и возникает вопрос, почему в праиндоевропейском образовалось два падежа с такими сходными и неопределенными значениями. Возможность решения этого вопроса открывается нам в типологических исследованиях об активном и эргативном строе языка.

Генитив в индоевропейских языках имеет широкий диапазон значений. Приименной генитив имеет значение определительное, и оно восходит к праязыку, причем по хеттским памятникам видно, что в праиндоевропейском определительное отношение, выражаемое в настоящее время относительными прилагательными, выражалось преимущественно генитивом существительного. Приглагольный генитив с глубокой древности имел ряд различных значений. Из них особого внимания заслуживает значение, общее с дативом, — предмет, к которому направлено действие. Оно лучше всего сохранилось в хеттском и греческом.

В хеттском языке во множественном числе генитив на *-as* полностью сохранил за собой и функции датива. Языковеды, не признающие типологических данных в вопросах индоевропейской реконструкции, считают невозможным исконное совмещение функций генитива и датива в одной фор-

¹ Gaedicke C. *Der Akkusativ im Veda.* — Breslau, 1880, S. 22.

² Delbrück B. *Vergleichende Syntax der indogerm. Sprachen.* — Strassburg, 1893, T. 1. S. 187.

³ Десницкая А. В. К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. — Изв. ОЛЯ АН СССР, 1947, т. 6, вып. 6.

ме и ищут иного объяснения хеттской формы на *-as* в дативном значении множественного числа. А. Камменхубер и вслед за нею Э. Ной выдвинули гипотезу, что окончание *-as* в данном значении происходит от окончания локатива мн. ч. **-su*⁴. Однако нет надобности прибегать к таким неправдоподобным объяснениям, потому что и в единственном числе генитив на *-as* в хеттском нередко имеет дативное значение, и совмещение в нем этих значений вполне согласуется с типологическими данными, указывающими на происхождение индоевропейского генитива от активного падежа.

Наиболее показательны факты дативного значения генитива ед. ч. в хеттском: *takku GUD. APIN. LAL takku ANŠU. KUR. RA turiyawas takku GUD. LIT takku ANŠU. ŠAL. AL. LAL haliyas harapta takku MAŠ. GAL enenza takku UDU. ŠIG. ŠAL takku UDU. NITA asauni harapta ishasisan wemiyazzi ...* „если рабочий вол, если упряжная лошадь, если корова, если вьючная ослица прибьется к чьему-нибудь двору, если коза, или овца шерстоносная, или баран к чьей-нибудь загородке прибьется и хозяин найдет его ...“ (Кодекс, Rs III, 51 — 53; показательно, что *haliyas* „к двору“ стоит в генитиве, но *asauni* „к загородке“ — в дативе); *nammakan parsuras pidi ŠAH-as UR. TUG-as KA-as le tiyazi* „и к месту печения (хлеба) свинья или собака к двери пусть не приближается“ (Инстр. служ. храма, I, 21; слово *pidi* „к месту“ — в дативе, *KA-as* „к двери“ — в генитиве); *nu D Kumarbis D Irsirras memiskiwān dais* „и Кумарби к Ирси́рре говорил“ (Песнь об Уликумми, табл. 1; то, что *D Irsirras* здесь имеет значение датива, подтверждается аналогичной конструкцией с дативом *Tasmisus DU-ni EGIR-pa memiskiwān dais* „Тасмису богу бури опять говорил“ — там же); *naskan pargawas aurias sara pait* „и к высокой башне он пришел“ (там же, табл. 2; ср. с аналогичной конструкцией с дативом: *nas DU-ni kattan pait* „и к богу бури он пришел“ — там же); *numu uddanas GEŠ-TUK-an para lagan hark* „и к моей речи ухо держи внимательно“ (там же, табл. 2; *uddanas* „к речи, к делу“ — в генитиве); *DU Bihassassis EN-ya nebisas LUGAL-us UN-an kanista nuwaran kulanitta nuwarankan assanut nuwarankan mehunas arnut* „Тесуб-Бихасаси, мой господин, царь неба, вылечил человека и сделал его здоровым, и осчастливил его, и привел его к его поле“ (Жертв. рит. Муватали); *mehunas* „ко времени“ — в генитиве и др.

Примеры из поэм Гомера: οὗ παιδὸς ὀρέξατο φαίδιμος Ἔκτωρ „к своему ребенку потянулся славный Гектор“ Z 466, Πάτροκλος ... καὶ φαίδιμος Ἔκτωρ ἔεντ' ἀλλήλων „Патрокл же и славный Гектор бросились друг на друга“ E 340, Ἀντίνοος δ' ἰθὺς γελάσας κίε Τηλεμάχοιο „Антиной же,

⁴ Neu E. Einige Überlegungen zu den hethitischen Kasusendungen. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 193.

смеясь, шел прямо к Телемаху“ β 301, ἀλλ’ ἄγε νῦν ἰθὺς κίε Νέστορος ἱπποδάμοιο „но иди теперь прямо к Нестору конеборному“ γ 17, ἀτὰρ χεῖρεςσι νεῶν ἐπιμαίεο νόστου γαίης Φαιήκων „но руками гребя стремись к возвращению в землю феаков“ ε 344, ἀτὰρ δεκάτῃ ἐπέβημεν γαίης Λωτοφάγων „но на десятый (день) мы прибыли к земле лотофагов“ ι 83–84, τίς νύ σεκῆρ ἐδάμασσε ταχληεγέος θανάτοιο „какая судьба предала тебя истребляющей смерти?“ λ 171, οὐδέ πω ἀμῆς γῆς ἐπέβην „ибо я не пришел еще к нашей земле“ λ 481, σὺ δὲ σκοπέλου ἐπιμαίεο „ты же к утесу устремись“ μ 220, ἰέμενον νόστοιο „стремящегося к возвращению“ ο 69, αὐτὰρ Ὀδυσσεὺς ἄσπον ἴεν πολυκάρπου ἄλωῆς „но Одиссей ближе подошел к многоплодному саду“ ω 221, τὰ φρονέων ἰθὺς κίεν αὐτοῦ δῖος Ὀδυσσεύς „так размышляя, прямо шел к нему дивный Одиссей“ ω 241.

Заслуживает внимания и локативное значение генитива. В хеттском: *nam-mansan GISlahhurnuzias sara hukanzi* „потом они освящают его на ритуальном столе“ (Ритуал Анивияни); *pankan KA-as anda tittanu-anzi* „и ее в двери ставят“ (там же), *nu sallasbe hassannas eshar pangariyattati* „и в великой (царской) семье убийство стало многочисленным“ (Декларация Телипину, II, 32) *nansan SAL katri genuwas dai* „и кладет его женщине katri на коленях“ (Ритуал Папаникри, IV, 11), *tuikkas sara pessezzi* „она бросает его на тело“ (Ритуал Тунави, I, 56). Во множественном числе локальное значение, как и дативное, последовательно выражается генитивом на *-as*. У Гомера: πολλὰ δ’ ἄρ’ ἔνθα καὶ ἔνθ’ ἴθυσε μάχη πεδίοιο „сильно же в разных местах разгоралась битва на равнине“ Z 2, Τενέδοιό τε ἴφι ἀνάσσεις „в Тенедосе мощно царствуешь“ A 38, σὺ γὰρ πεδίοιο ἀνάσσεις εὐρέος „ты же царствуешь в обширной стране“ δ 602, χεῖρας γιψάμενος πολιῆς ἄλός „руки помыв в седом море“ 261, αὐτοῦ ἐνεύναιον „на нем спал“ ξ 51, ἀλλὰ με νηὸς ἔφεσσαι „но меня на корабле посади“ ο 277, αὐτίκ’ ἐπεὶ κε πυρὸς θερέω ἀλέη τε γένηται „тотчас как погреюсь у огня и станет тепло“ ρ 23, τόφρ’ αὐτοῦ μενέω „до тех пор на нем останусь“ ε 362. Употреблялся генитив и для обозначения времени: греч. τάων οὐποτε καρπὸς ἀπόλλυται οὐδ’ ἀπολείπει χεῖματος οὐδὲ θέρεως „на них плод не исчезает, не покидает ни зимой, ни летом“ η 117–118, скр. *aktos* „ночью“, гот. *nahts* „ночью“, лит. *šios dienos* „в этот день“, др.-рус. *другаго дни вельми рано*, хетт. *tahunas mehuni* „в надлежащее время“ (Инстр. служ. храма, трижды).

Итак, генитив выражал атрибут, косвенный объект, место и время, т. е. имел определительно-обстоятельственное значение. Такие значения генитива и аккумулятива находят свое объяснение в гипотезе активного строя в праиндоевропейском языке. Нужно учесть, что общность древнейших окончаний генитива **-es/os/s* (не разделявшихся по числу) и номинатива муж. и жен. р. **-s* (ед. ч.), **-es* (мн. ч.) свидетельствует об общем происхождении данных

падежей, а это может быть объяснено только происхождением их от активного, или эргативного падежа, которые выражали субъект активного (эргатив — переходного) действия, косвенный объект и место и могли употребляться также в атрибутивной функции. Аккузатив же в именах среднего рода выполняет также функцию номинатива, что может быть объяснено только происхождением его от инактивного или абсолютного падежа, которые выражали прямой объект действия, субъект пассивного состояния (абсолютив — непереходного действия) и могли выполнять также атрибутивную и некоторые обстоятельственные функции. Поскольку древнейшие свойства индоевропейского глагола, раскрываемые сравнительно-историческим методом, да и деление имен на активный и пассивный классы, соответствуют свойствам активного строя, а не эргативного, можно возводить генитив только к активному падежу, а аккузатив — к инактивному.

II

Когда инактивный падеж уже стал аккузативом, основным значением его в именах активного класса было значение прямого объекта. Но нужно учитывать, что в эпоху перехода от активного строя к номинативному, когда представление о прямом объекте было еще нечетким, когда предметы, принадлежащие постоянно определенному человеку, рассматривались как неотъемлемые принадлежности его, даже как составные части его, так что действие, направленное на такие предметы, осознавалось как направленное на обладателя их⁵, понятие прямого объекта могло быть шире современного, и предмет, к которому направлено движение, мог рассматриваться как потенциальный объект его. Что же касается значения времени в аккузативе, то факты хеттского, греческого и славянских языков указывают на древнее значение отрезка времени, целиком охваченного действием. В хеттских памятниках постоянным выразителем времени действия является локатив, но в Инструкции служителю храма, когда речь идет о времени, целиком занятом действием, употреблен аккузатив: *nammankan MI-az LU. MES weheskattalis dantes asandu nu MI-an humandan wehiskandu* „и с ночи стражи пусть будут поставлены, и всю ночь пусть стерегут“. У Гомера: ἕξ ἡμῶν μὲν ὁμῶς πλέομεν νύκτας τε καὶ ἡμῶν „шесть дней мы так плыли дни и ночи“ π 476; ἡμέατα μὲν κλαίῃ ... νύκτας δ' ὕκνος ἔχῃσιν „все дни она плакала, ночами же ею сон овладевал“ υ 83, μῆνα γὰρ οἶον ἔμεινα τεταρπόμενος τεκέεσιν

⁵ См.: Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. — М., 1981, с. 188; Климов Г. А. Типология языков активного строя. — М., 1977, с. 149.

κουριδίη τ' ἀλόχῳ καὶ κτήμασιν „месяц один я оставался, наслаждаясь детьми, законной женой и имуществом“ ξ 244–245, οὗ θ' ἔνεκ' αἰεὶ ἐνθάδ' ὀμιλέμεν ποτιδέγμενοι ἤματα πάντα „ради чего мы здесь постоянно собираемся, смотря (ожидая) все дни“ φ 155–156; пример из более поздних греческих памятников приведен выше. Рус. *шли весь день, работали день и ночь*. Такой отрезок времени также мог уподобляться объекту действия.

В греческом есть так наз. аккузатив отношения, который имеет архаический характер, но никак не может быть связан с прямым объектом. Это значение аккузатива заслуживает самого внимательного исследования. Наиболее полно представлено оно в поэмах Гомера. Попробуем проанализировать его, собрав по возможности полнее случаи такого употребления аккузатива в гомеровских текстах. Материал из Илиады собран в диссертации А. В. Десницкой „Развитие категории прямого дополнения в индоевропейских языках“, мы берем его оттуда. Сами мы выбрали факты такого рода из Одиссеи. „Аккузатив отношения“ бывает при глаголах и прилагательных. Начнем с прилагательного. γέγηθε δέ τε φρένα ποιμήν „возрадовался сердцем пастух“ Θ 559. Аналогичный пример с тем же глаголом — ξ 106. χαρείη δέ τε φρένα μήτηρ „радовалась сердцем мать“ Ζ 481. γάνυται δ' ἄρα φρένα ποιμήν „веселится душою пастух“ Ν 493. ὄφρα λοεσσάμενός τε τεταρπόμενός τε φίλον κῆρ ... „чтобы помывшись и усладившись сердцем ...“ α 310. γοῶ τέρπομαι φρένα „плачем я утешаюсь душой“ δ 102. μή οἱ γοῦνα λαβόντι χολώσατο φρένα κούρη „как бы на него, колени обнявшего, не разгневалась душою дева“ ζ 147. τοῦ δὲ Πάρις μάλα θυμὸν ἀποκταμένοιο χολώθη „Парис очень душою из-за убитого гневался“ Ν 660. βῆ δὲ κατ' Ὀλύμποιο καρήνων χωόμενος κῆρ „сошел с вершины Олимпа, негодуя сердцем“ Α 44. Αἰνεΐας δ' ἄρα θυμὸν ἐχώσατο „Эней же разгневался духом“ Π 616. θεοὶ δ' ἀκαχέιατο θυμὸν „боги огорчились духом“ Μ 179. ἐνθεν δὲ προτέρω πλέομεν ἀκαχήμενοι ἦτορ „тогда дальше мы поплыли, скорбя сердцем“ κ 77. Примеры с сочетанием ἀκαχήμενος ἦτορ — также κ 133, κ 313, ν 286, ι 62, υ 84. ἀλλ' Ὀδυσσῆα ποθέουσα φίλον κατατήκομαι ἦτορ „по Одиссею тоскуя милом, томлюся я сердцем“ τ 136. ὡς Αἴας τότε ἀπὸ Τρώων τετιημένος ἦτορ ἦιε „как Аякс на троянцев разгневан был“ Λ 556. Примеры с τετιημένος ἦτορ — также Θ 437, α 114, β 298, η 287, θ 303, σ 151, υ 153. αὐτὰρ ἐγὼ μετεφώνεον ἀχνύμενος κῆρ „но я сказал, скорбя сердцем“ κ 67. Примеры с сочетанием ἀχνύμενος κῆρ — также Η 428, μ 153, μ 250, μ 270, ψ 188, ω 420. ἤχθετο γὰρ κῆρ „ибо он скорбел сердцем“ Λ 400. μέγα δ' ἔοτενε κυδάλιμον κῆρ „сильно стонал благородным сердцем“ Κ 16. Ἄτρείδης δ' ἄχει μεγάλην βεβολημένος ἦτορ „Атрид же печалью великой пораженный в сердце“ Ι 9. Μενέλαος ἀνίστατο θυμὸν ἀχεύων „Менелай встал, скорбя душой“ Ψ 556. τρομεύσι δέ τε φρένα ναῦται δειδιότες „дрожат душой

испуганные моряки“ О 627. Аналогичные примеры с тем же глаголом — К 16, X 461, N 473. *περὶ δ' ἔγχεϊ χεῖρα καμῆται* „от копья рукой он устанет“ В 389. *ὁ δ' ἀριστερὸν ὤμων ἔκαμνεν* „он же левым плечом устал“ П 106. *οὐδέ τε γυῖα κάμνεις* „никогда ты членами не устаешь“ μ 280. *σὺ δέ κεν κακὸν οἶτον βῆλαι* „ты же злым жребием погиб бы“ I 417. *ἀλλὰ καὶ ὡς ὀλέεσθε κακὸν μῦρον* „но вы так погибнете злой судьбой“ Ф 133. *νῦν δ' ὁ μὲν ὡς ἀπόλωλε κακὸν μῦρον* „ныне же он так погиб злою судьбой“ α 166.

Во всех приведенных здесь предложениях глаголы выражают чувства (радость, печаль, гнев, страх), а также состояния усталости или гибели, в общем все они — глаголы состояния, при которых прямой объект невозможен. Субъектом этого состояния в каждом случае является человек, а аккумулятив выражает неотъемлемую принадлежность человека (часть его тела, душу, судьбу), наиболее непосредственно охваченную данным состоянием. Объяснить это явление можно на основе категории органической принадлежности, свойственной языкам активного строя.

Л. Леви-Брюль⁶ и Х. К. Уленбек⁷, а за ними — и ряд других исследователей обнаружили противопоставление форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности в самых различных языках отсталых племен. Г. А. Климов, опираясь на их исследования, установил характерность такого противопоставления для языков активного строя⁸. Неорганическая принадлежность в условиях отсутствия глагола обладания передается различного рода описательными построениями стативного глагола „находиться, наличествовать“ с именем объекта обладания, оформленным притяжательными аффиксами. Отношение органической принадлежности выражается личными притяжательными аффиксами. „Вместо невозможного для активных языков падежного выражения этих отношений типа „рука человека“ ... в них имеем словосочетание модели „человек его-рука“, в котором компонент „его“ воплощается притяжательным аффиксом, согласующим определяемое с его определением по лицу и классу“⁹. Г. А. Климов обнаружил также, что притяжательные аффиксы органической принадлежности представлены по языкам аффиксами, тождественными с глагольными личными показателями инактивной серии. Это значит, что формы органической принадлежности относятся (или, по крайней мере, относи-

⁶ Леви-Брюль Л. Выражение принадлежности в меланезийских языках. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

⁷ Уленбек Х. К. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки. — В кн.: Эргативная конструкция предложения.

⁸ Климов Г. А. Типология языков активного строя, с. 149.

⁹ Там же.

лись в прошлом) к категории пассивности. Примечательно, что форма 3-го лица в языках активного строя, как и во многих других, не имеет личного показателя, что отмечает и Г. А. Климов¹⁰. На основании этих данных можно предположить, что греческий „аккузатив отношения“ происходит от формы органической принадлежности, не имеющей показателя 3-го лица, т. е. что предложение типа *χαρείη δέ τε φρένα μήτηρ* первоначально имело значение „радовалась мать ее-сердце“. Может возникнуть вопрос, чем же внешне отличалось имя органической принадлежности от имени субъекта, если оно не имело показателя принадлежности. Греческие факты указывают на то, что это имя отличалось своей инактивной формой, в то время как имя субъекта при этом имело активную форму. Эта инактивная форма в порядке общей закономерности сменилась впоследствии формой аккузатива.

Еще более показательны в этом отношении случаи „аккузатива отношения“ при прилагательных (довольно многочисленные у Гомера), напр.: *ὄμματα καὶ κεφαλὴν ἴκελος Διὶ* „очами и головой подобный Зевсу“ В 478 *Διὶ μήτιν ἀτολοντος* „Зевсу мыслию равный“ В 636, *Τυδεύς τοι μικρὸς μὲν ἔην δέμας* „Тидей, правда, был мал ростом“ Е 801, *ὃς σέο πολλὸν ἀφαιρότερος χεῖράς τε μένος τε* „который много слабее тебя руками и духом“ Н 457, *εἶδος ἀρίστην Κασσάνδρην* „видом лучшую Кассандру“ Ν 365, *Ἄτρείδαο θυγατρῶν εἶδος ἀρίστην* „из дочерей Атрида обликом лучшую“ Ν 378, *χεῖρας τ' αἰχμητὴν ἔμεναι καὶ ἐπίφρονα βούλην* „руками воинственным быть и мудрым советом“ π 242, *καλὸς μὲν δέμας ἐστίν* „красивый лицом“ ρ 307. Некоторые подобные сочетания прилагательного с аккузативом стали постоянными эпитетами и употребляются у Гомера часто. Таковы *πόδας ὠκὺς Ἀχιλλεύς* „быстрый ногами Ахиллес“, *βοὴν ἀγαθὸς Μενέλαως* „прекрасный боевым кличем Менелай“, *κάρη κομόωντες Ἀχαιοί* „головой густовласые ахейцы“ и др.

К аккузативу с прилагательными примыкают случаи „аккузатива отношения“ при глаголах, выражающих подобие, напр.: *μάλιστα δὲ Νέστορι διῶ εἶδος τε μέγεθος τε φυὴν τ' ἄγχιστα ἐφκει* „больше всего Нестору дивному лицом, величиной и фигурой был близко подобен“ В 57–58, *δέμας εἰκυῖα θεήσιν* „видом подобная богиням“ Θ 365, *αἰνῶς μὲν κεφαλὴν τε καὶ ὄμματα καλὰ ἔοικας κείνῳ* „ибо очень головой и очами прекрасными ты подобен ему“ α 208, *ὡς συ δέμας φώνην τε πόδας τ' Ὀδυσσῆι ἔοικας* „как ты лицом, голосом и ногами Одиссею подобен“ τ 381, *εἶσατο δὲ φθόγγην υἱὶ Πριάμοιο* „подобен он голосом сыну Приама“ В 791, *Μέντορι εἶδομένη ἤμην δέμας ἠδὲ αὐδὴν* „Ментору подобная как лицом, так и голосом“. Полностью представить весь материал нет надобности, потому что полная сводка всех случаев

¹⁰ Климов Г. А. Указ. соч., с. 138.

употребления „аккузатива отношения“ при прилагательных и глаголах подобия дана в книге Якоба ля Роша „Homerische Studien. Der Accusativ im Homer“ (Wien, 1861). Внимание ля Роша к „аккузативу отношения“ при прилагательных и глаголах подобия и менее внимательное отношение его к употреблению этого аккузатива при глаголах состояния может быть проиллюстрировано такими данными: разбор фактов „аккузатива отношения“ со словами, обозначающими тождество и подобие (прилаг. и глаг.), занимает в его книге без малого четыре страницы (с. 13–16) и со словами, обозначающими свойства (прилаг.), – три страницы (с. 17–19), в то время как случаи употребления этого аккузатива при глаголах аффекта рассматриваются на неполных двух страницах (с. 20–21), а употребление его при других глаголах состояния не упоминается. Это и вынудило нас обратиться к диссертации А. В. Десницкой и обследовать в данном отношении текст Одиссеи.

При прилагательных прямой объект невозможен. Не нуждаются они и в обстоятельствах, а в ту эпоху, когда они еще слабо отграничивались от существительных, по-видимому, и вовсе не сочетались с обстоятельствами. Определение же при них может быть только наречное. Но прилагательное, определяющее в предложении человека, может нуждаться в обозначении органической принадлежности субъекта, в которой проявляется выражаемый им признак. И в предложениях рассматриваемого типа аккузатив, когда он был еще инактивной формой, по-видимому, выражал именно эту органическую принадлежность, так что предложение типа *καλὸς μὲν δέμας ἐστίν* первоначально значило „красив он его-лицо“. И инактивная форма имени употреблялась здесь потому, что она обозначала органическую принадлежность.

Случаи употребления „аккузатива отношения“ при глаголе, обозначающем подобие, можно рассматривать как еще более глубокий архаизм, поскольку Г. А. Климов открыл, что в языках активного строя обычно прилагательные отсутствуют, а атрибутивную функцию в предложении выполняют основы стативных глаголов¹¹.

Итак, рассмотренные факты свидетельствуют о том, что „аккузатив отношения“ есть индоевропейский архаизм, сохранившийся в древнейшей греческой поэзии (и отсюда, вероятно, попавший в более поздние тексты) и указывающий на происхождение аккузатива от инактивного падежа.

Инактивный падеж, к которому можно возводить аккузатив, представляет собой обычно исходную форму имени, чистую основу. Такая форма сохранилась в номинативе-аккузативе имен среднего рода с основами на

¹¹ Климов Г. А. Указ. соч., с. 103.

-и, -i, согласные. В именах активного класса такая форма также существовала. Пережитками ее являются вокатив, первый компонент сложных слов (числительная основа в определительной функции), локатив основ на -и, -i муж. и жен. р. и датив основ на -о, -и с усилением конечного гласного основы, открытый В. Мажюлисом¹². По-видимому, это и была первоначальная форма аккузатива.

В дальнейшем аккузатив получил окончание *-m. Это же окончание имеет номинатив-аккузатив среднего рода основ на -о. В „Сравнительной грамматике“ А. Савченко, в согласии с распространенным мнением, утверждается, что в имена среднего рода это окончание было заимствовано из мужского — женского. Однако анализ некоторых фактов приводит к заключению, что окончание *-m (точнее — *-om) возникло именно в пассивном классе как показатель пассивности. Так, корневое имя *ped/pod (скр. *pāt*, греч. *πούς*, лат. *pēs*) обозначало ногу и принадлежало активному классу, а с показателем *-om, т. е. в виде *pedom*, имеет пассивное значение (скр. *padam* „след, шаг, место“, греч. *πέδον* „земля, почва“, лит. *pėdà* „след“, хетт. *pedan* „место“) и принадлежит среднему роду, т. е. пассивному классу. Корневое имя *jug (скр. *yuj* „связанный, одаренный, попутчик“, греч. *συζύξ* „супруг, супруга“, лат. *con-jux* „супруг, супруга“), несмотря на то, что переводится теперь обычно страдательным причастием, обозначало в праиндоевропейском человека, имеющего тесные отношения с другим или же наделенного чем-то, т. е. активное существо, а тематическое имя среднего рода *jugom обозначало „связь, ярмо“ (скр. *yugam*, греч. *ζυγόν*, лат. *jugum*, гот. *juk*, хетт. *iugan*, лит. *jungas*, слав. *уго*), т. е. пассивный предмет. Скр. *sad* „сидящий“ (*pariṣad* „соборание“, *upa-ni-ṣad* „сидящий у ног“) обозначало активное существо, а *sadam* „постоянно“ (первоначально — „сидение“) имело пассивное значение.

Факт, что этот суффикс первоначально был словообразовательным, Т. Барроу подтверждает тем, что он в сочетании с тематическим гласным служил также для образования прилагательных (некоторые из них перешли потом в существительные): скр. *yugam* „ярмо“ — *yugmaḥ* „спаренный“, *bhayam* „страх“ — *bhīmaḥ* „страшный“, *madhyam* „середина“ — *madhyamaḥ* „средний“; греч. *θερμός*, лат. *formus* „горячий“, скр. *gharmaḥ* „жара“; скр. *tigmaḥ* „острый“, греч. *στυγμός* „прокол“; скр. *jigmaḥ* „косой“; скр. *dhumah* „дым“, греч. *θυμός*, лат. *fumus*; скр. *himah* „холод, мороз“, греч. *χειμα* „холод, буря“ и др.

По мнению Т. Барроу, основы среднего рода на *-m были довольно распространены в праиндоевропейском, но они в большинстве случаев соединя-

¹² Mažiulis V. Baltų ir kitų indoeuropiečių kalbų santykiai. — Vilnius, 1970, p. 107–126.

лись с суффиксом **-en* (из косвенных падежей гетероклитических имен), вследствие чего образовались основы среднего рода на **-men*¹³.

Другие существительные среднего рода не имели суффикса **-om* потому, что у них были другие показатели пассивности. У многих был показатель *-r*. Он был только в исходной форме (номинативе-аккузативе), потому что косвенный падеж у этих существительных выражался суффиксом *-n*. Так образовалось гетероклитическое склонение среднего рода. Конечное *-i* в существительных среднего рода также, по-видимому, выражало пассивность, как можно судить по тому, что оно противопоставлялось суффиксу *-en/n* также, как и суффикс *-r* (скр. *asthi* — *asthnaḥ*). Впоследствии суффикс *-en/n* утратил значение косвенного падежа, и к нему были присоединены падежные окончания, заимствованные у существительных мужского — женского рода.

Эти факты позволяют заключить, что **-om* было словообразовательной морфемой, посредством которой от активных имен образовывались пассивные. Эта морфема стала применяться для обозначения прямого объекта. Необходимость в таком обозначении возникла, по-видимому, потому, что падеж прямого объекта стал осознаваться как косвенный, зависимый, в то время как чистая основа, выполнявшая раньше эту функцию, была основной, независимой формой имени.

III

Однако в местоимениях генитив имеет общее происхождение не с номинативом, а с аккузативом. Форма аккузатива здесь лежит в основе всех косвенных падежей (если иметь в виду архетипы), и очевидно, что образование ее происходило иначе, чем в именах.

В ряде языков активного строя личные местоимения имеют по две формы — активную и пассивную. В аранта местоимение 1-го лица — *aṭa* и *jiṇa*. *aṭa* — активный падеж, *jiṇa* — инактивный. Местоимение 2-го лица — *unta* (актив), *ṇa* (инактив). (Как можно заключить из анализа, произведенного А. Соммерфельтом¹⁴, аранта — язык активного строя с зачатками номинативного.) Подобное различие личных местоименных форм есть и в ряде других австралийских языков, как можно почерпнуть из исследования П. В. Шмидта¹⁵. Согласно этому исследованию, во многих языках южной Австралии,

¹³ Барроу Т. Санскрит. М., 1976, с. 164—166.

¹⁴ Sommerfelt A. La langue et la société.— Oslo, 1938.

¹⁵ Schmidt P. W. Die Personalpronomina in den australischen Sprachen. — In: Denkschriften der Akademie der Wissenschaften in Wien, Phil.-hist. Klasse. Wien, 1919, Bd. 64, Abhandl. 1.

имеющих родственные связи между собой, есть „интранзитивная“ форма местоимения 1-го лица, состоящая из основы *ɲai* с добавлением в одних языках суффикса *-a* или его вариантов *-o*, *-u*, *-e*, в других — суффикса *-ña*, или *-ño*, или *-ñi*, и „транзитивная“ *-ɲaʔa*, *ɲaʔo*, *ɲatsa*, *ɲatso*, в которой палатализация или аффрикатизация суффикса свидетельствует о том, что основа *ɲa-* некогда заканчивалась гласным *i*. Местоимение 2-го лица в этих языках имеет основу *nin* (*in*, *jin*) (с добавлением в „интранзитивной“ форме суффикса *-a* или его вариантов, а в „транзитивной“ — суффикса *ta* с вариацией огласовки по языкам). В группе языков нариньери „интранзитивной“ 1-го лица является форма *ɲаре*, *ɲари*, *ɲар*, „транзитивной“ в южной части этой группы — *ɲате*, в северной — *ɲанпа*. Местоимение 2-го лица в южной части нариньери имеет те же формы, что и в упомянутых выше языках, в северной — единую форму *ɲурра* (с вариацией конечного гласного по языкам)¹⁶. На основании анализа языка аранта можно думать, что „транзитивная“ и „интранзитивная“ формы П. В. Шмидта — это активный и инактивный падеж, возможно — на стадии перехода в эргатив и абсолютив.

Х. К. Уленбек в своей известной статье о пассивном характере глагола в американских языках¹⁷, анализируя строй языка дакота, указал на местоимения, которые включаются в состав глагольных форм в качестве личных показателей. Для 1-го лица ед. ч. есть два показателя — *wa-* и *ta-*. Первый обозначает логический субъект глагола действия как переходного, так и непереходного, второй — субъект инактивного глагола состояния и объект переходного глагола. Для 2-го лица ед. ч. такие же функции выполняют аффиксы (префиксы или инфиксы) *ja-* и *ni-*. Язык дакота имеет активный строй, и Уленбек недвусмысленно характеризует значения показателей обоих лиц как активное и инактивное.

В праиндоевропейском языке местоимения (личные и некоторые указательные) также имели две основы, но у них эти основы противопоставлялись по признаку не активности и пассивности, а прямого и косвенного падежей. Падежные окончания местоимений в разных индоевропейских языках образуют совершенно различные системы и, по-видимому, образовались после распада праязыка, а общеиндоевропейскими являются основы местоимений, которые, очевидно, и были древнейшими падежными формами. Значение 1-го лица ед. ч. выражали основы **ego(egho)* (номин.) и **me* (косв. пад.), 1-го лица мн. ч. — в одних диалектах — **mes*, в других — **ues* (номин.) и

¹⁶ Там же, с. 6—10.

¹⁷ Уленбек Х. К. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. — В кн.: Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

**nos* (косв. пад.). Во 2-м лице ед. ч. — **tu* (номин.), **te*, **teye* (косв. пад.), во 2-м лице мн. ч. в одних диалектах — **ius*, в других — **ismes* (номин.), **uos* (косв. пад.). Признаки активного строя в этой системе не обнаруживаются. Для того чтобы раскрыть древнейшую систему личных местоименных форм праиндоевропейского с учетом первоначального активного строя в этом языке, необходимо привлечь к анализу личные окончания глагола, поскольку они имеют явную генетическую связь с местоимениями. Последнее явствует, с одной стороны, из тождества окончаний 1-го лица глагола с соответствующими местоимениями (1-е лицо ед. ч. — оконч. **-m*, местоимение **me*; 1-е лицо мн. ч. — оконч. **-mes/mos* в одних диалектах, **-ues/uos* — в других, местоимение **mes* — в одних диалектах, **ues* — в других), с другой стороны — из данных типологических, состоящих в том, что во многих языках личные показатели глагола либо тождественны личным местоимениям, либо имеют явную связь с ними (адыгейские языки, лезгинская группа дагестанских языков, тюркские языки, некоторые финно-угорские, часть эскимосских и др.).

Глагольное окончание 1-го лица ед. ч. презенса и аориста **-m*, **-mi* происходит от местоимения **me*. Возникает вопрос, почему показателем 1-го лица в глаголе стала основа косвенных падежей местоимения **me*, а не номинатив **ego* (*egho*). На этот вопрос нетрудно ответить: форма **me* является древнейшей формой местоимения 1-го лица ед. ч., которая в эпоху образования глагольных окончаний не разделялась на падежи. Это видно, во-первых, из того, что **me* представляет собой местоименный корень древнейшего типа, состоящий из одного открытого слога (ср. 2-е лицо ед. ч. **te*, мн. ч. 1-го и 2-го лица **no*, **ye*, **yo*, указ. **so*, **to*, *ki*, указ.-отн. **io*, вопр. **k^uo*, **k^ui*), во-вторых, из того, что **me* имеет ностратическое происхождение (обнаруживается в языках уральских, алтайских и картвельских), **ego* же представляет собой более позднее формирование, отсутствует в хетто-лувийском, а в остальных диалектах различается начальным гласным (*e*, *o*, *ō*) и согласным (*g* и *gh*). Из того, что **me* в глаголе стало показателем лица в форме действия, можно заключить, что оно имело активное значение.

Инактивная форма местоимения 1-го лица ед. ч. в глаголе могла войти в состав только формы состояния; следовательно, ее нужно искать в окончаниях перфекта. Окончание 1-го лица ед. ч. перфекта **ha* не имеет соответствий в местоимениях. По определению В. В. Иванова, оно было показателем не лица, а только состояния, инертности¹⁸. Но в санскрите и латинском сохрани-

¹⁸ Иванов В. В. Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. — М., 1981, с. 49.

лось и другое окончание перфекта *-u: скр. *da dā-u*, лат. *lauda-ū-ī*. По мнению В. В. Иванова, оно сохранилось также в тохарском *A -we* (мед., претерит), лувийском *-wi* (презент) и в хеттском в составе окончания претерита *-u-n*¹⁹. Это окончание имеет соответствие в местоимении 1-го лица в хеттском: обычно в сочетании с корнем **te*, в виде *am-u-k*, но в древнейших хеттских текстах и самостоятельно — *u-k*. Есть основания полагать, что этот корень, который мог иметь форму и **ue*, и **uo*, первоначально выполнял функцию инактивной формы местоимения 1-го лица ед. ч. Исходя из того, что этот корень в виде **ue* вошел в состав и местоимения 2-го лица **te-ue*, **t-ue*, можно думать, что он выражал инактивность вообще, и этим можно объяснить то, что в большинстве индоевропейских диалектов он исчез в значении 1-го лица ед. ч., когда исчезло противопоставление активности — инактивности в именах и местоимениях.

От обеих корней 1-го лица ед. ч. путем прибавления показателя множественности *-s* образовались формы множественного числа. Они сохранились в разных языках: **mes* — в балтийских (лит. *mēs*), славянских (*мы*), греческом (*ἡμεῖς* из *us-mes*), армянском (*mekh*), **ues* — в хетто-лувийских (хетт. *wes*), индоиранских (скр. *vay-am*), германских (гот. *weis*), тохарских (*A was*). По-видимому, **mes* было активной формой, **ues* — инактивной. Впоследствии обе формы закрепились в значении номинатива.

В значении косвенных падежей 1-го лица мн. ч. в праиндоевропейском употреблялась форма **nos*. Это также исконная форма 1-го лица мн. ч., и существовала она до противопоставления прямого и косвенных падежей, но противопоставлялась она формам **mes* и **ues* не по тому признаку, что последние между собой. Поскольку **mes* и **ues* в отдельных индоевропейских языках получили значение не только 1-го лица мн. ч., но и 2-го (**ues* — с изменением огласовки), а именно: **mes* — в греч. *ἡμεῖς* из **us-mes*, хетт. *sumes* из *us-mes*, скр. аккуз. *yuṣtān* из *us-mē-n*, **uos* — лат. *vos*, скр. энкл. косв. п. *vas*, слав. *васъ*, гот. *iz-wīs*, первый компонент хетт. греч. **us-mes*, ряд ученых пришли к выводу, что **mes* и **ues* были местоимениями 1-го лица инклюзивными. Обоснование этой точки зрения с историей вопроса содержится в упомянутой книге В. В. Иванова²⁰. Форма же **nos* ограничивалась значением 1-го лица мн. ч. и можно думать, что она была эксклюзивной.

Древнейшей формой местоимения 2-го лица ед. ч. было **te*. К этому корню присоединялся корень **ue*, и получались формы **teue*, **tue*, которые в

¹⁹ Там же, с. 48.

²⁰ Там же, с. 20–24.

разных индоевропейских языках получили разные падежные значения. Общеиндоевропейская форма (за исключением хетто-лувийского) номинатива **tu* образовалась из этого же сложения в результате редукции обоих компонентов. В глагольном окончании 2-го лица ед. ч. системы презенса — аориста этого местоимения нет. Есть оно только в окончании перфекта **-tha*. Если учесть, что *-ha* было показателем состояния, то показателем лица в этой форме оказывается *-t-*. Показателем же 2-го лица ед. ч. в форме действия было *-s* (аорист), *-so* (медий), и с показателем презенса — *-i*, *-si*. В значении 2-го лица местоимения такой корень не функционирует, он имеет значение только возвратного местоимения (в виде *se/so/s*). Однако обращает на себя внимание полный параллелизм форм возвратного местоимения и 2-го лица ед. ч. в тех языках, в которых возвратное склоняется и дает производные формы. По значению возвратное местоимение имеет столько же связи со 2-м лицом, сколько и с 1-м, и с единственным числом столько же, сколько со множественным, но формы его везде тождественны только формам 2-го лица ед. ч., отличаясь от них только начальным *s-*. Что это не случайно, свидетельствуется данными ностратического сравнения. В алтайских языках местоимение 2-го лица ед. ч. имеет корень *se-*, *si-*, в западно-финских — основу *sina*, *sinä*, в картвельских — *si* (сван. *si*, чан. *si* и *sin*; груз. *šen* перенесено из косвенных падежей, как показывает сравнение с занским)²¹. Показательно, что в восточной части финно-угорских языков местоимение 2-го л. ед. ч. начинается с *t-*: марийск. *tyj*, *tyń*, морд., удм., саам. *ton*. Эти факты дают основание предположить, что в эпоху активного строя в праиндоевропейском языке *se* было местоимением 2-го лица ед. ч. с активным значением, а *te* имело инактивное значение. Эти же корни с огласовкой *o* выполняли функцию указательную, причем **so* также было активной формой, а **to* — инактивной. Как видно из глагольных форм системы презенса — аориста, **te* было также формой множественного числа того же лица, но в этом случае — уже с активным значением. Чтобы яснее отличать пассивность **te* в единственном числе, к нему присоединялся нередко показатель пассивности **-ue*.

Во 2-м лице мн. ч. активной формой был корень **te*, инактивной — общий показатель инактивности **ue/uo* (преимущественно с огласовкой *o*), снабженный показателем множества *-s*, — **uos/ues*.

Когда в праиндоевропейском языке утрачивалось противопоставление активности и пассивности и в именах активного класса активный падеж рас-

²¹ См.: Lafon P. Sur les pronoms personnels de 1. et 2. personnes dans les langues kartvelles. — In: Bulletin de la Société linguistique de Paris, 1930, t. 30.

щеплялся на номинатив и общий косвенный падеж — генитив, а инактивный превращался в аккузатив, в местоимениях не происходило еще образование аккузатива, а только исчезло семантическое различие между активными и инактивными формами. В связи с этим в 1-м лице ед. ч. в большинстве диалектов инактивная форма исчезла, единственной формой стало **me*; но в хетто-лувийском обе формы сочетались и получилось *am-u*, к которому впоследствии была присоединена частица *-k*, а в некоторых говорах сохранилась и самостоятельно форма *u*, которая, с частицей *k*, в древнейших хеттских текстах служит формой номинатива.

В значении 1-го лица мн. ч. сохранились обе инклюзивные формы **mes* и **ues*, но распределились по диалектам.

Во 2-м лице ед. ч. активная форма **se/so* изменила свое значение, стала относиться ко всем лицам, стала возвратным местоимением. Единственным выразителем 2-го лица ед. ч. стал корень **te*, к которому в тех или иных случаях присоединялся корень **ue*.

Но в значении множественного числа корень **te* уже не употреблялся. Единственной формой 2-го лица мн. ч. стало **ues/uos*.

Однако в древнейшем указательном местоимении продолжали существовать еще обе формы — **so* и **to* — и сохраняли активное и инактивное значения.

Когда в именах активного класса сложилась оппозиция номинатива и аккузатива, образовались также некоторые косвенные падежи и аккузатив стал переходить в разряд косвенных падежей, в местоимениях образовалась оппозиция двух форм, одна из которых была номинативом, а другая выполняла функции аккузатива и прочих косвенных падежей. В 1-м лице ед. ч. форма **me* стала аккузативно-косвенной, а для функции номинатива образовалась новая форма — **ego (egho)*. В 1-м лице мн. ч. исчезло различие инклюзива — эксклюзива, оно сменилось различием падежей: **mes* или **ues* стало формой номинатива, а **nos* — косвенным падежом. Во 2-м лице ед. ч. в оппозицию вступили формы **tu* и **te*, которые употреблялись либо самостоятельно, либо с добавлением **ue*. Во 2-м лице мн. ч. основа **ues/uos* закрепились за косвенными падежами, а для выражения номинатива эта основа сочеталась в одних диалектах с местоимением *io* (в препозиции), что дало *iūs*, в других — с местоимением **mes* (в постпозиции), что дало **us-mes*. Факт, что в косвенной форме первоначальной и главной функцией была аккузативная, подтверждается тем, что простая основа **me*, **te*, **nos*, **uos* в исторически известных индоевропейских языках выполняет обычно функцию аккузатива,

a для выражения других косвенных падежей она либо сочетается с другими основами, либо получает именные окончания.

Падежные окончания косвенных падежей выработались после распада праиндоевропейского.

В указательном местоимении, в котором оппозиция активности — пассивности сохранялась дольше, инактивная форма **to* перешла непосредственно в аккузатив, а активная форма **so* стала номинативом. Но поскольку это происходило в ту эпоху, когда аккузатив уже вошел в разряд косвенных падежей, его форма стала основой для образования всех косвенных падежей.

MAŽMOŽIS IX

Tirdami ne gimtąsias, o kitas šnektas, dažnai išgirstame taip, kaip ir savo namuose yra sakoma. Tai vos ne aksioma.

Štai pietų aukštaičiai turi formas *gija, lija, rija, šlija*, o LKŽ kartotekoje net geri rinkėjai (žemaičiai, rytų aukštaičiai) fiksuoja *gỹja, lỹja, rỹja, šlỹja*. Kadangi didelė kartotekos dalis yra užrašyta neva bendrinės kalbos atitikmenimis, o ne tarmiškai (!), tai tikrenybės net atsekti negalima. Todėl LKŽ atsiranda *atlỹja* Srj (LKŽ VII 590) vietoj *àtlija*, *perlyja* Krsn (LKŽ VII 592) vietoj *pérlija*, *atgỹja* Lš (LKŽ III 357) vietoj *àtgija*, *užsirỹja* Lp (LKŽ XI 742) vietoj *užsirija* ir t.t.

Dar būdingesnis atvejis yra su žodžio *pūdas* variantu *pūdas* pietų aukštaičių (vakarų dzūkų), rytų aukštaičių vilniškių šnektose. Rytiečiai aukštaičiai užrašinėtojai iš savo *pūdas* girdi ir pietų aukštaičių šnektų žodžio šaknies ilgą balsį, todėl LKŽ X 840–841 atsirado *tris pūdùs* (= tris pudùs) Dv, *du pūdù* (= du pudù) Rud, *už pūda* (= už pùda) Rud, *dvylika pūdu* (= dvylika pùdu) Mrc (Marcinkonių apyl. Darželių k. 1984 m. teko girdėti ir užrašyta *trīs pūdai*, *du pudù* ir t.t.), *pūdas* (*pū.das*, *pudùs* = pudas Klt; plg. OZ45 formą *pūdas* nuo Tvr). Net Lazūnuose P. Arumaa užrašytą formą gen. pl. *pudu* J. Petrausko ir A. Vidugirio „Lazūnų tarmės žodyne“ pateikiama *pūdū* (p. 208).

V. Vitkauskas